

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

Н

НИНА Шехтер сделала телевизионную передачу о Валерии Фокине «Встречи для вас». Передача получилась интересной, содержательной, но, если

позволительно так сказать, с подтекстом печальным и вряд ли заранее запланированным.

После долгого молчания и отсутствия Валерий Фокин объявился в Москве поистине триумфально. Поставленный им в Манеже спектакль «Нумер в гостинице города NN» по «Мертвым душам» заставил критиков шумно восторгаться и получил приз «Хрустальная Турандот». Заговорили и о дальнейших планах Фокина, связанных с «Современником», откуда он ушел десять лет назад; с «Сатириконом», возглавляемым одним из самых, быть может, «фокинских» некогда актеров, Константином Райкиным. Наконец, с начинающимся вроде бы строительством театра.

Валерий Фокин держится с невозмутимым достоинством. Отвечает на вопросы коротко, внятно, спокойно. С непоколебимой уверенностью в своей правоте. Это хорошо. Это даже приятно, но почему-то странно. Странно слышать от Валерия Фокина, что его актеры не просто не должны, но и не могут считать, будто он их предал. На этом, собственно, разговор о гром-

«Здесь — я люблю боюсь...»

ком конфликте в Ермоловском театре — конфликте, следы которого до сей поры ощутимы в работе сразу двух трупп, — завершается. Далее следуют мечты (кажется, вполне земные, реальные) о скорой работе в своем театре.

Но, насколько я понимаю, свой театр состоит, в первую очередь, из своих артистов — единомышленников, единоверцев. Допускаю, что актеры, которых Валерий Фокин в свое время собрал под ермоловской крышей, настолько кротки и незлобивы, что еще раз охотно сломают свои судьбы и отправятся за режиссером на очередной край света. А что дальше?

Валерий Фокин, по собственному его признанию, любит время от времени «начинать все с нуля». Судя по результатам этих начинаний, все они сбываются и, в основном, успешно. Но каждый раз за бортом, за покинутой режиссером дверью остаются те, кто поверил в него, пошел за ним, зачеркнув отнюдь не бесславное прошлое.

В телевизионной передаче мелькали кадры поставленного Фокиным в Польше спектакля «Приглашение на казнь», а я видела неким равнодушным внутренним взором до неотличимости похожие на них эпизоды московского спектакля — лица А. Левинского, В. Проскурина, Т. Аксюты.

И, может быть, именно потому совершенно органично, естественно вос-

принимался телемонтаж: Валерий Фокин уверенной походкой проходил по Москве, мелькали театральные подъезды, а голос Константина Райкина читал за кадром строки Мандельштама: «Там — я любить не мог, здесь — я любить боюсь»...

Не в этом ли секрет?

О последней своей московской работе «Нумере в гостинице...» Валерий Фокин говорил интересно, увлеченно. Поскольку разговор происходил в манежном закулисье во время спектакля, и Нина Шехтер задавала свои вопросы шепотом, и Валерий Фокин отвечал на них тоже почти шепотом на фоне смутно доносящихся со сцены реплик, — это «таинственное посвящение» в святая святых театрального искусства как-то удивительно завораживало, сообщая довольно обычному телевизионному интервью некий особый, приглушенно-эстетский (в лучшем смысле слова!) колорит.

Так и вся эта передача окрасилась для меня в смутные, двойственные тона. Интересно? Очень познавательно? Во многих смыслах. Вызывает любопытство к тому, что Валерий Фокин делает сегодня? Вне всяких сомнений.

В чем же дело?

В том, вероятно, что передача сказала неволью о Валерии Фокине-человеке больше, чем хотелось и ему самому, и автору сюжета. И даже немного больше, глубже, чем о Валерии Фокине-режиссере.

Я принадлежу к тому разряду критиков, о которых Фокин лаконично заметил Нине Шехтер: «Я выработал отношение...» (это прозвучало ответом на вопрос о восприятии тех критиков, кто относился к первым работам Фокина с энтузиазмом, а потом охладел к его спектаклям). Меня никогда не волновал «отдельный» вопрос о человеческих качествах Валерия Фокина. Но после этой передачи я вряд ли смогу от него отделаться. И теперь я, наверное, буду смотреть спектакли Валерия Фокина немного другими глазами. И к радости или досаде, удовольствию или раздражению, будет неволью примешиваться еще что-то... Может быть, жалость?

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.